

Талалаева Е.В.

аспирант ФГБОУ ВПО «Магнитогорский государственный университет»

ИЕРАРХИЯ ДЕМОНИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ЛИРИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Ф. К. СОЛОГУБА

На рубеже XIX-XX столетий огромный интерес к мистическим образам проявили русские символисты. Одним из самых ярких среди них стал образ Демона и Дьявола. К образам «мирового зла» обращались и Д. Мережковский, и А. Блок, и В. Брюсов и многие другие авторы, развивая свою теорию, во многом прямо противопоставленную христианским воззрениям по этому вопросу¹ [5]. Наиболее полно же теорию о «мировом зле» развил представитель старшего поколения символистов — Ф. К. Сологуб.

Многие критики, к примеру П. Пильский, А. Горнфельд, все демонические образы поэзии Ф. К. Сологуба отождествляли с Недотыкомкой, а демонизм поэта сводили к чертовщине и бесовству. Мы считаем, что подобная точка зрения несколько некорректна: демонизм Ф.К. Сологуба шире, его невозможно сопоставить с обыкновенной чертовщиной. Демоническим пронизано все поэтическое наследие поэта, а его воплощения и образы образуют своеобразную иерархию.

В лирических произведениях Федора Сологуба 1893-1899 гг. демоническое представлено образами Лиха и Недотыкомки.

Образ Лиха встречается в славянской мифологии: лихом называли злого духа, демона, который вредил людям – «у колыбели новорожденного вешали специальный оберег, чтобы Лихо одноглазое не замучило ребенка, не напустило на него болезнь и прочее» [4, с. 76-81]. У Сологуба образ Лиха имеет общие черты со своим мифологическим двойником («одноглазое», «дикое», «тихое», «всеми

¹ Данная проблема рассмотрена в трудах заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, доктора философских наук, профессора Сергея Леоновича Слободнюка.

гонимое»). В стихотворении «Лихо» (1893 г.) герой попал «под власть» этого злого демона и он всюду его преследует:

Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!
Лихо ко мне привязалось давно, с колыбели,
Лихо стояло и возле крестильной купели,
Лихо за мною идет неотступно тенью,
Лихо уложит меня и в могилу.

[7, с. 70]

Таким образом, образ Лиха предстает как демонический злой дух, преследующий человека на протяжении всей его жизни и терзающей его. Лихо определяет судьбу, все события человеческой жизни находятся под его контролем. Такие черты являются чертами «архаического представления о демонах» [3, с. 366], которые являлись в любой мифологической системе персонажами низшего порядка.

Если образ Лиха Ф. Сологуб заимствовал из мифологии, то Недотыкомка - это его «детище», персонаж, созданный им, уникальный образ в русской литературе. Именно поэтому так разноречивы представления о ней в критике. Недотыкомка видится символом хаоса, злого реального бытия и просто явлением, сопровождающим сумасшествие героя романа «Мелкий бес» Ардальона Борисыча Передонова, навязчивым кошмаром. Но, во-первых, рассматривать Недотыкомку только как явление, сопровождающее сумасшествие Передонова, невозможно, так как данный образ возник раньше в лирике Ф. Сологуба, о чем свидетельствует стихотворение «Недотыкомка серая...» (1899 г.). Во-вторых, Недотыкомка, скорее всего, - еще одно воплощение inferнального зла, тождественное низшим демоническим силам. Так, о причастности Недотыкомки к потустороннему миру говорит эпитет «серая», поскольку серый цвет издревле ассоциируется с нечистой силой, а в стихотворении этот эпитет настолько слился со словом Недотыкомка, что употребляется только в паре в начале каждого четверостишия.

В одноименном стихотворении мы видим, как «Недотыкомка серая» «истомила», «измучила» лирического героя:

Недотыкока серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою...

[7, с. 167]

Она, так же, как и низшие злые духи, преследует героя всю жизнь и мучает его. Даже если герой умрет, «Недотыкомка ехидная» не оставит его, а потому он и просит «таинственного духа» умертвить ее:

Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.

[7, с. 167]

Эта просьба-обращение к некоему «таинственному духу», который тоже, без сомнения, принадлежит к inferнальному миру, но занимает место, более высокое, чем Недотыкомка, и поэтому способен отогнать ее «волшебными чарами», или наотмашь, что ли, ударами, / Или словом заветным каким» [7, с. 167].

Лихо и Недотыкомка – не единственные злые духи низшего порядка в

творчестве Ф.К. Сологуба - образ злого демона, мучающего человека, возникает в стихотворении «Неживая, нежилая, полевая, лесовая, нежить горькая и злая...» (1913 г.) Это образ нежити. Автор наделяет ее чертами, характерными для нечисти: «лесовая» (все, что обитало в лесу, по мифологии древних славян, как и сам лес, принадлежало миру мертвых и было враждебно настроено по отношению к человеку), «не жива и не мертва», «расточая чары», «темной ночью жутко лая» и т. д. Этот злой дух также мучает лирического героя:

Ты зачем ко мне пришла, и о чем твои слова?

Липнешь, стынешь, как смола, не жива и не мертва.

[6, с. 298]

Следовательно, нежить можно поставить на одну ступень с Лихом и Недотыкомкой в демонической иерархии. Но все это демонические образы низшего порядка, не обладающие какими-то сверхъестественными силами. В творчестве Ф.К. Сологуба и Лихо, и Недотыкомка, и нежить стоят на первой ступени иерархии демонических сил.

Сологубовский демон может предстать и как повелитель стихий, как злой дух, нагоняющий стихийные бедствия с катастрофическим исходом на людей. Так, например, в стихотворении «Ты слышишь гром? Склонись, не смейся...» (1885(?)1889 г.) демон является как «демон вихрей» с «молниеносными очами»:

Уж демон вихрей реет грозно,
Свинцовой тучей облачен,
И облака, что плыли розно,
К себе зовет зарницей он.

Он налетит, гремя громами,
Он башни гордые снесет,
Молниеносными очами
Твою лачугу он сожжет.

[6, с. 23]

Обладая демонической, стихийной, катастрофической силой, этот демон способен на многое: демон сносит башни, сжигает лачуги, повелевает тучами и громом. Он опасен и зол. Его силы превосходят «волшебные чары» низших демонов, а значит, он находится выше на следующей ступени в демонической иерархии.

В лирике Федора Сологуба, пронизанной злыми духами, встречается и образ черта. Но тот ли это черт, которого мы привыкли видеть? Не привносит ли поэт в этот образ свое личное понимание? Самый прямой и точный ответ на выше поставленные вопросы дает стихотворение «Чертовы качели» (1907 г.).

В данном стихотворении герой попадает на качели, которые «качает черт мохнатую рукой», с которых возможно сойти только одним способом:

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах!
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше...ах!

[6, с. 281]

Образ качелей неотрывно связан с мировоззрением поэта, которое

складывалось во многом под влиянием философии Артура Шопенгауэра, который утверждал, что «всегда и повсюду истинной эмблемой природы является круг, потому что он — схема возвратного движения, а оно действительно самая общая форма в природе, которой последняя пользуется везде...» [1, с.30]. Тема «вечного возвращения», понимаемого как повторение, то есть неизменность, по мнению исследователя Ю. Л. Воротникова, стала одной из центральных для русских символистов. Именно Ф. К. Сологубу, на наш взгляд, удалось воплотить тему «вечного воплощения» с наибольшей художественной силой в «Чертовых качелях».

Герой качается на качелях, а черт все сильнее раскачивает их, и это будет продолжаться до тех пор, пока:

...Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

[7, с. 281]

Такой сюжет вызывает невольные ассоциации с древними мифологическими образами. В мифологии древних славян существовала Макошь — «богиня всей Судьбы, старшая из богинь-прых судьбы» [4, с. 35]. Макошь может быть соотнесена с верованиями древних греков в прядильщиц судьбы — Мойр, а также с «германскими пряхами судьбы — Норнами и Фригг — женой Одина, прядущей на своем Колесе» [4, с. 36]. У Сологуба черт качает качели, которые тождественны нитям судеб людей, и только он знает, когда их остановить, и, таким образом, в поэзии данного автора он приобретает мифологические черты божества судьбы, которое повелевает бытием человека. Подобная «сила» позволяет черту занять более высокое место в демонической иерархии.

В этом же стихотворении встречается еще один, не менее интересный факт. Здесь присутствует некий «хохочущий голубой»:

Над верхом темной ели
Хохочет голубой
- Попался на качели,
Качайся, черт с тобой!

[6, с. 281]

Рождается мысль о том, что «этот неназванный «голубой» является воплощением демонических сил, властвующих над миром и что ему подчинены и черт, качающий качели, и «неназванные «те», которые «в тени косматой ели / Визжат, кружась гурьбой...». Еще в «Недотыкомке серой...» автор обращается к некоему «таинственному другу», прося его «отогнать волшебными чарами» «ехидную». В последующих стихотворениях лирический герой будет обращаться к подобному таинственно-мистическому воплощению.

Так, стихотворение «В тишине бездыханной ночной...» (1896 г.) полностью посвящено тому, чей лик «темен и тих», и кто обладает «обителью своей»:

В тишине бездыханной ночной
Ты стоишь у меня за спиной,

Я не слышу движений твоих,
Как могила, ты темен и тих.

...И вошел я в обитель твою,
И в кругу чародейном стою.

[6, с. 75]

На принадлежность этого таинственного образа к темным силам указывают следующие характеристики: он явился в «тишине ночной», автор сравнивает его с могилой («как могила, ты темен и тих»), взгляд его «томительный», конечно же, и то, что он обладает собственной «обителью».

К этим характеристикам можно прибавить черты «друга тайного» из стихотворения «На распутье злом и диком...» (1897(?)1899 г.). Здесь также появляется образ «друга тайного» с «темным ликом и зыбким шагом»:

Он из тьмы выходит. Друг ли
Мне он тайный или враг?
У него глаза как угли,
Темен лик и зыбок шаг.
И стоит он за чертою,
Темный, зыбкий, весь как дым.

[7, с. 161]

Кто же этот неназванный «голубой», «друг тайный»? Ответ, на наш взгляд, более чем очевиден. Все эти характеристики принадлежат высшему воплощению демонических сил в поэзии Ф. К. Сологуба — Дьяволу. Этот образ занимает центральное место, отсюда и ярлык, повешенный на поэта критикой, - «дьяволопоклонник».

Ф. К. Сологуб взывает к нему, как к истинному спасителю, обращаясь к своему благу следующим образом:

Когда я в бурном море плавал,
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, дьявол,
Спаси, помилуй, - я тону.

[7, с. 204]

Это цитата из стихотворения «Когда я в бурном море плавал...» (1902 г.), которое С.Л. Слободнюк назвал «сатанинским хрестоматийным». Данное стихотворение – молитва о помощи, взывающая к Дьяволу-«отцу». Здесь, как и в христианских молитвах, герой называет своего Бога «отцом», но его «отец» - не Бог, а Дьявол, ставший на место первого.

Автор рисует архитрадиционную сцену продажи души Дьяволу:

«Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, -
Я власти темного порока
Отдам остаток черный дней» -

[7, с. 204]

Как видим, Дьявол-отец, спасший сына, - есть «полноправный Бог» [5, с. 179].

И герой будет верен теперь этому Богу — Дьяволу-отцу, и его он будет прославлять в своих молитвах:

И верен я, отец мой, дьявол,
Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал
И ты меня из бездны спас.

Тебя, отец мой, я прославлю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю,
И, соблазняя, соблазню.

[7, с. 204-205]

Поэтическое наследие Ф. К. Сологуба, без сомнения, проникнуто различными воплощениями демонических сил. Поэт превращает вопрос о «мировом зле» во всесторонне разработанную теорию, которую можно обозначить как «демониаду». Демонические воплощения и образы в его поэзии образуют своеобразную иерархию — демоническую лестницу. На низшей ее ступени находятся такие демонические образы, как Лихо и Недотыкомка. На этой же ступени стоит и образ нежити. На следующей ступени — образ Демона. Еще на более высокой ступени находится образ черта, наделенный мифологическими чертами божества судьбы человека. Эти черты, присущие данному образу, выделяют черта среди демонических образов низшего порядка и дают возможность занять ступень на порядок выше. И, наконец, на высшей ступени иерархии расположился самый главный демонический образ — Дьявол. Этот образ осмыслен поэтом в ином ключе, отличном от христианского понимания: Дьявол становится истинным богом, которому молится лирический герой.

Литература

1. Воротников Ю.Л. Образ качелей в творчестве А. А. Фета и Ф. Сологуба // Русская литература. — 2001. — № 2. — С. 25-33.
2. Мифология. Энциклопедический справочник / ред. – сост. Т. Зарицкая. — Минск : Белфакс, 2002. — 350 с.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т.1. А-К / ред. С. А. Токарев. — М.: Советская энциклопедия, 1991. — 671 с. : ил.
4. Наговицын А. Е. Тайны славянской мифологии. — М. : Академический проект, 2003. — 480 с.
5. Слободнюк С. Л. «Идущие путями зла...» (древний гностицизм и русская литература 1890-1930гг.). – СПб. : Алетейя, 1998. – 425 с.
6. Сологуб Ф. Избранное. – СПб. : ТОО «Диамант», 1997. – 448 с.
7. Сологуб Ф. Стихотворения. – Л. : Советский писатель, 1939. – 395 с. (Библиотека поэта. Малая серия № 53).